

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

ЧЛЕН-КОРР. РАН *Х.А.Амирханов*

ЧЛЕН-КОРР. РАН *С.А.Арутюнов*

ЧЛЕН-КОРР. РАН *В.Е.Багно*

Д. ИСКУССТВОВЕДЕНИЯ *А.В.Бартошевич*

ЧЛЕН-КОРР. РАН *В.И.Васильев*

ЧЛЕН-КОРР. РАН *Г.И.Вздорнов*

АКАДЕМИК РАН *В.А.Виноградов*

Д. И. Н. *А.А.Данилов* (заместитель председателя)

АКАДЕМИК РАН *С.П.Карпов*

ЧЛЕН-КОРР. РАН *В.П.Козлов*

АКАДЕМИК РАН *А.Б.Куделин*

АКАДЕМИК РАН *А.В.Лаверов*

Д. ИСКУССТВОВЕДЕНИЯ *Б.Н.Любимов*

ЧЛЕН-КОРР. РАН *И.П.Медведев*

АКАДЕМИК РАН *А.М.Молдован*

АКАДЕМИК РАН *В.И.Молодин*

АКАДЕМИК РАН *Ю.С.Пивоваров*

ЧЛЕН-КОРР. РАН *М.Б.Пиотровский*

АКАДЕМИК РАН *Н.Н.Покровский*

АКАДЕМИК РАН *Д.В.Сарабьянов*

АКАДЕМИК РАН *И.М.Стеблин-Каменский*

АКАДЕМИК РАН *С.Л.Тихвинский*

АКАДЕМИК РАН *И.Х.Урилов* (председатель)

АКАДЕМИК РАН *Д.О.Швидковский*

АКАДЕМИК РАН *В.Л.Янин*

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

ВЕСТНИК

ИСТОРИИ
ЛИТЕРАТУРЫ
ИСКУССТВА

Том девятый

Москва • 2014

3/94+82+7.0
3.3+83.3(0)+85
B38

ISSN 1816-0816

Главный редактор
И.Х.Урилов

Заместитель главного редактора
В.Л.Телицын

Редактор
Н.П.Луцишкина

Вестник истории, литературы, искусства / [гл. ред. И. Х. Урилов] ; Отд-ние ист.-филол. наук РАН. — М. : Собрание ; Наука, 2005— . — ISSN 1816-0816.
Т. 9. — М.: Собрание, 2014. — 504 с. — ISBN 978-5-9606-0127-6 (в пер.).

Девятый том альманаха «Вестник истории, литературы, искусства» представляет на своих страницах результаты современных исследований гуманитарных знаний.

В томе даны основные результаты археологических раскопок первого буддийского храма, эволюции концепции «Москва — Третий Рим» в XVII в. и ее роли в оформлении новых общественно-культурных приоритетов, итоги новейших изысканий в области истории российского крестьянства в XIX–XX вв. (в связи с Великими реформами и русскими революциями), внешней политики России во второй половине XIX в. (Россия и польский вопрос), военной истории начала XX столетия (Русско-японская война 1904–1905 гг. и I мировая война 1914–1918 гг.).

Публикации тома посвящены и теоретическим проблемам искусствоведения, литературоведения, музыковедения, а также конкретным историческим персоналиям или событиям, историческому контексту создания произведений искусств, малоизвестным экспонатам музейных и частных коллекций.

УДК 93/94+82+7.0
ББК 63.3+83.3(0)+85

Алтайский

Исследование первого буддийского
храма XII–XIII вв. на территории
Приморья

Изучение средневекового Востока не
было одно десятилетие. За это время

Часть первая

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОТКРЫТИЯ

В Приморском крае на территории современного города Владивостока в 1950-е годы были обнаружены остатки первого буддийского храма XII–XIII вв. Это открытие имеет большое значение для истории буддизма в Приморье. В настоящее время на территории храма ведутся археологические раскопки. В результате были обнаружены различные архитектурные элементы, в том числе ступы, буддийские статуи и другие предметы. Эти находки позволяют датировать храм XII–XIII вв. (бохайский период), XIII в. (маньчжурский период) и XV в. (маньчжурский период). В настоящее время на территории храма ведутся археологические раскопки. В результате были обнаружены различные архитектурные элементы, в том числе ступы, буддийские статуи и другие предметы. Эти находки позволяют датировать храм XII–XIII вв. (бохайский период), XIII в. (маньчжурский период) и XV в. (маньчжурский период). В настоящее время на территории храма ведутся археологические раскопки. В результате были обнаружены различные архитектурные элементы, в том числе ступы, буддийские статуи и другие предметы. Эти находки позволяют датировать храм XII–XIII вв. (бохайский период), XIII в. (маньчжурский период) и XV в. (маньчжурский период).

Приморский археологический экспедицией Института истории, археологии и этнографии Дальнего Востока ДВО РАН проводились систематические археологические исследования на территории буддийского храма. В результате были обнаружены различные архитектурные элементы, в том числе ступы, буддийские статуи и другие предметы. Эти находки позволяют датировать храм XII–XIII вв. (бохайский период), XIII в. (маньчжурский период) и XV в. (маньчжурский период).

Памятник буддийского храма XII–XIII вв. расположен на территории современного города Владивостока. В настоящее время на территории храма ведутся археологические раскопки. В результате были обнаружены различные архитектурные элементы, в том числе ступы, буддийские статуи и другие предметы. Эти находки позволяют датировать храм XII–XIII вв. (бохайский период), XIII в. (маньчжурский период) и XV в. (маньчжурский период).

Изучение средневекового Востока не было одно десятилетие. За это время были обнаружены различные архитектурные элементы, в том числе ступы, буддийские статуи и другие предметы. Эти находки позволяют датировать храм XII–XIII вв. (бохайский период), XIII в. (маньчжурский период) и XV в. (маньчжурский период).

законами, находящимися с ними в ближайшем соотношении. Харьков, 1844. 76 стр.

⁴¹ ПСЗ. Собр. II. Т. 3. № 2314. Параграф 75, 129.

⁴² Романович-Славутинский А.П. Указ соч. С. 31.

⁴³ Смирнов А.И. Указ. соч. С. 113–117.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Будакова Л.А. Указ. соч. С. 42.

⁴⁶ Расчет наш. Осуществлен посредством пофамильной сверки списка командированных за границу и направленных адъюнктами в университеты сразу по окончании Главного педагогического института (Смирнов А.И. Указ. соч. С. 113–126; Краткое историческое обозрение действий... С. 57–59) со справочником Г.Г.Кричевского: Магистерские и докторские диссертации, защищенные на юридических факультетах университетов Российской империи (1755–1918). Ставрополь, 1998; Магистерские и докторские диссертации, защищенные на историко-филологических факультетах университетов Российской империи (1755–1918). Ставрополь, 1999; Магистерские и докторские диссертации, защищенные на физико-математических факультетах университетов Российской империи (1755–1918). Ставрополь, 2004.

⁴⁷ ПСЗ. Собр. II. Т. 3. № 2314. Параграф 129.

⁴⁸ Менделеев Д.И. Удельные объемы. СПб., 1856. 224 с.; *Он же*. О соединении спирта с водой. СПб., 1865. 119 с.

⁴⁹ Модестов В.И. Тацит и его сочинения: Историко-литературное исследование. СПб., 1864. 206 с.; *Он же*. Римская письменность в период царей. Казань, 1868. 159 с.

⁵⁰ Журавев А.С. О стечении нескольких преступников при одном и том же преступлении. Дерпт, 1850. 147 с.; *Он же*. Теория улик. Дерпт, 1855. 214 с.

⁵¹ Тихомандрицкий А.Н. О брожении сахарных веществ. Киев, 1850.

⁵² Извлечение из отчета Министерства народного просвещения за 1858 г. СПб., 1859. С. 41–42.

⁵³ По состоянию на 1853 г., среди 19 профессоров Института значились такие маститые ученые-естествоиспытатели, как М.В.Остроградский (математика), Э.Х.Ленц (физика), Ф.Ф.Бранд (зоология), выпускники Профессорского института С.С.Куторга (геология и геогнезия), И.О.Шиховский (ботаника), А.Н.Савич (астрономия). Среди преподавателей гуманитаристики возвышались профессора Н.Г.Устрялов (история), И.И.Срезневский (славяноведение).

⁵⁴ Макареня А.А., Нутрихин А.Н. Менделеев в Петербурге. Л., 1982.

С. 13.

И.А.Христофоров

Экономическое развитие российской деревни в XIX в.: пора ли подводить историографические итоги?

В истории России XIX в. трудно придумать «сквозную» тему, которая чаще и основательнее изучалась бы историками разных стран и поколений, чем социально-экономическое развитие деревни до и после отмены крепостного права. Между тем, кажется, что несмотря на смену парадигм: либерально-позитивистской, радикально-народнической, марксистской, ревизионистской, «цивилизационной» (а может быть, во многом как раз из-за этой смелости), к единому ответу на вопрос об основных тенденциях и итогах этого развития мы по-прежнему не наближаемся, чем сто лет назад. Конечно, вряд ли придется сомневаться в общем векторе развития: крестьянское и помещичье хозяйства двигались в сторону рынка. Однако неясно, каким был темп этих процессов, насколько далеко они зашли, были ли необратимы, и, наконец, несли ли с собой рост или падение благосостояния россиян.

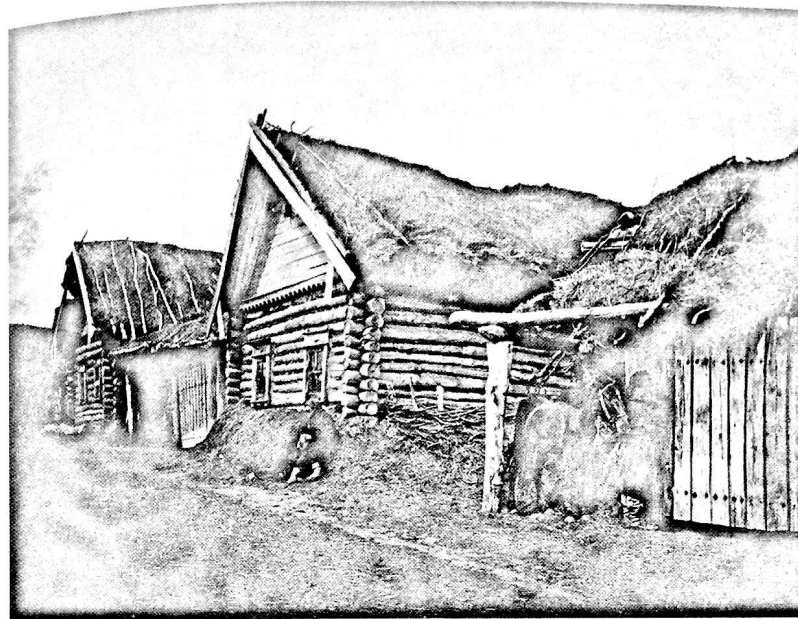
У такой историографической ситуации, на мой взгляд, есть как объективные, так и субъективные причины. Первые сводятся, прежде всего, к состоянию доступной для анализа аграрной статистики, которое на протяжении большей части века (по крайней мере, до середины 1880-х гг.) было настолько плачевным, что просто не позволяет исследователям делать серьезные выводы. Кроме того, не только в нашей стране, но и за рубежом историография этой темы «буксовала» во многом из-за несовершенства исследовательских методик. Дело в том, что расцвет научного изучения российской деревни пришелся на 1920-е гг. Однако занимались этой проблематикой тогда главным образом экономисты и социологи так называемой «организационно-производственной школы» (т.е. неонародники, самым ярким из которых принято считать А.В.Чаянова), которых в основном интересовали непосредственно пред- и послереволюционные тенденции. Историки же оказались несколько в стороне от бурного развития экономической науки того времени, с 1930-х гг. сама возможность объективно обсуждать эти проблемы в значительной степени исчезла. В итоге даже высокопрофессиональные работы Н.М.Дружинина, П.А.Зайончковского, Н.Л.Рубинштейна¹, как сейчас ясно, мало что давали для понимания экономической эволюции российской деревни, поскольку в период их написания историками просто еще не были апробированы новые подходы к анализу экономической реальности. Положение стало заметно меняться лишь с проникновением в историческую

науку современных эконометрических методов. И в СССР, и на Западе этот процесс стартовал в 1970-е гг. В нашей стране он был связан прежде всего с именем И.Д.Ковальченко и его учеников, и целиком укладывался в рамки советского марксизма. В зарубежной же науке, в исторической эконометрии с 1970-х гг. господствует ревизионизм с характерным для него пафосом пересмотра традиционных представлений о российской экономике как отсталой и застойной, пафосом, порой увлекавшим историков к противоположной крайности. Именно западные историки-ревизионисты (Б.Кербле, Т.Шанин) возродили в 1960–1970-е гг. интерес и к «чяновской школе», тогда как в СССР она фактически продолжала тогда оставаться под запретом.

Здесь логично перейти к главной субъективной причине того, почему в историографии до сих пор нет убедительных ответов на многие вопросы, касающиеся «аграрной темы». Конечно, она лежит в сфере идеологии. Я имею в виду не только идеологические рамки, существенно ограничивавшие советских историков, но и более общую проблему: став одним из ярких символов истории страны, русская деревня как будто исключает беспристрастные трактовки своей судьбы, заставляя многих исследователей обращаться к ней не столько в академическом, сколько в мировоззренческом контексте. Именно поэтому ключевым понятием в дискуссиях о ее состоянии так часто оказывается перегруженное смыслами и очень расплывчатое понятие «кризис».

Применительно ко времени до отмены крепостного права речь идет о кризисе крепостнической системы хозяйства. Оформившееся еще во второй половине XIX в., представление о нем не основывалось (да и не могло основываться) на каких-либо солидных данных, а являлось скорее производным от общего убеждения историков в неэффективности принудительного труда, унаследованного от эпохи Просвещения и классической экономической доктрины. Согласно этой логике, поскольку по европейским странам в первой половине XIX в. победно шествовал капитализм, в общем и целом несовместимый с внеэкономическими формами принуждения, и в России, где капиталистическое хозяйство также начинало пускать свои корни, крепостническая экономика не могла не быть в состоянии кризиса и «загнивания». Подобным же образом постулировалось обнищание крестьян в этот период².

Уже П.Б.Струве в известных своих работах рубежа XIX–XX вв. подверг эти оценки последовательной критике, аргументируя противоположную точку зрения о том, что крепостная система, с точки зрения прибыльности и экономической эффективности, скорее достигла расцвета накануне ее упразднения (Струве не отрицал, конечно, что положение крестьян при этом вовсе не было процветающим)³. С тех времен в общем-то так и осталось не выясненным, в чем же должен был проявляться «кри-



Русская деревня, XIX в.

зис крепостнической системы» — в агротехническом застое или же в обострении социальных противоречий в деревне, в падении доходов помещиков или ухудшении положения крестьян, а также с помощью каких исследовательских инструментов и на какой источниковой основе следует этот кризис (как бы он ни понимался) диагностировать? Возможна ли ситуация, когда положение крестьян было стабильным или даже несколько улучшалось, а аграрный сектор экономики при этом находился в состоянии застоя? И наоборот, обязательно ли агротехнический прогресс должен сопровождаться улучшением жизненных условий масс? Как известно, в послереволюционный период основная масса советских историков оказалась на стороне версии о кризисе. Отстаивались тезисы о пауперизации и обезземелении крепостного крестьянства, даже о его «вымирании», о тотальной задолженности и паразитизме помещиков и т.п.⁴

Западная же историография проделала в вопросе о состоянии дореформенного сельского хозяйства более ощутимую эволюцию. В 1930–1960-х гг. и здесь преобладала точка зрения о критическом положении в крепостной деревне⁵, с 1970-х гг. большинство западных исследователей, настроенных ревизионистски, развивало (и продолжает развивать) скорее идеи Струве⁶.

В настоящее время относительно состояния аграрной экономики в первой половине XIX в. можно считать уже не подлежащими сомнению следующие важные выводы:



Русский крестьянин, последняя четверть XIX в.

1. Абсолютное и относительное сокращение численности крепостных во второй четверти XIX в. не имело никакого отношения к их «вымиранию», а объяснялось совокупностью нескольких внеэкономических причин: массовым выкупом крепостных казной и удельным ведомством, а также рекрутскими наборами, изымавшими из крепостного состояния не только рекрутов, но и их потомство⁷.

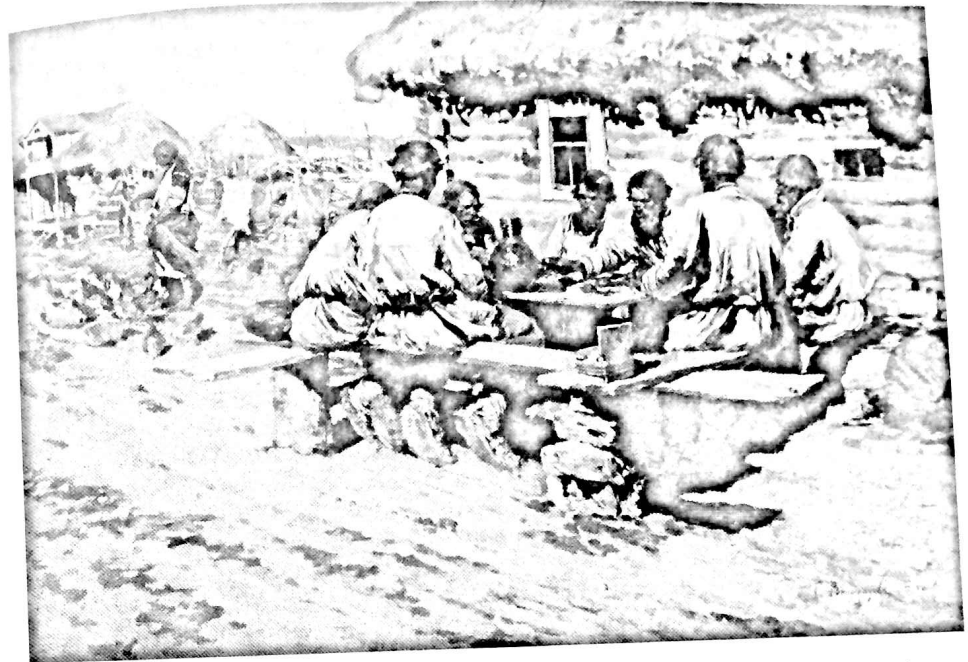
2. Большая задолженность помещиков казне, выдававшей ссуды под залог населенных имений, не была ни причиной, ни симптомом хозяйственного кризиса или разорения помещичьего дворянства. Помещики лишь использовали предоставленную им государством возможность пользоваться выгодным кредитом, причем многие, закладывая имения, помещали полученные средства в казенные же кредитные установления, что позволяло

получить доход больший, чем составляли выплаты по закладным. Так создавались условия для финансового кризиса, который и разразился в конце 1850-х гг., однако его причины следует искать не в аграрной сфере, а в особенностях дореформенной кредитной системы и финансовой политики⁸.

3. Многие современные российские авторы не разделяют представления и об агротехническом кризисе первой половины XIX в., акцентируя внимание на прогрессивных явлениях в аграрной сфере⁹.

4. В недрах крепостной экономики происходили долговременные подвижки, связанные прежде всего с ростом удельного веса крестьянского хозяйства в аграрном производстве. Одновременно основополагающей чертой крепостнической системы в великорусской деревне с ее передельной общиной был «симбиоз» помещичьего и крестьянского хозяйств, более того — хозяйственная зависимость многих помещиков, не имевших собственной «производственно-технической базы», от крестьян. В среде последних, в свою очередь, благодаря общине отсутствовал сколько-нибудь значительный контингент лишенных своего хозяйства крепостных, которые могли бы составить основу рынка вольнонаемного труда. Все это фактически препятствовало быстрой «развязке» отношений двух сословий¹⁰.

5. В имениях, находившихся на оброке и смешанной повин-



М.Шибалов, С.Виноградов. Обед работников. 1890. ГТГ

ности, в среде крестьян активно развивалась частнопредпринимательская деятельность (промыслы, покупка на имя помещика и сдача в аренду земли, отходничество и т.п.). Вместе с тем, попытки «подогнать» развитие деревни под одну модель лишены оснований: географические и социально-экономические условия, несмотря на нивелирующее давление крепостничества, были очень разнообразны¹¹. Не следует забывать и о миллионах государственных крестьян, которые не знали крепостного права и численность которых постоянно росла. Попытки приравнять их положение к положению крепостных и представить казну разновидностью «феодала» не выглядят основательными: формы зависимости и эксплуатации в государственной и помещичьей деревне были принципиально различны.

Таким образом, развитие аграрного сектора в полвека до отмены крепостного права никак не укладывается в парадигмы ни кризиса, ни процветания. Реальная картина была гораздо сложнее и сильно варьировалась. Необходимо, оставив в прошлом догмы и о «разложении феодализма», и о «развитии капитализма» в дореформенном сельском хозяйстве, изучать реальные и очень глубокие противоречия развития деревни с применением всего арсенала микро- и макроисторических методов.

Что касается экономического развития деревни после отмены крепостного права, то в отечественной литературе эта тема традиционно отличалась большой политизированностью. Ученые до

сих пор увлеченно отвечают на вопрос о том, в какой мере 1861 г. «породил» 1905 г. (а затем 1917 г. и т.д.). В конце XIX и первой четверти XX в. неонародники сталкивались здесь с марксистами, «легальные» марксисты — с радикалами, правые западники — с неославянофилами. Можно по-разному относиться к участникам тех споров и к тем идейным ценностям, которые они отстаивали, но глубокая их идеологическая ангажированность очевидна, и она никак не способствовала объективности исследований пореформенной деревни. По признанию одного из основателей неонароднической школы в пред- и послереволюционной науке Н.П.Макарова, «условия политической и социальной жизни выдвинули крестьянский вопрос как один из вопросов социально-политической борьбы. Это придало крестьянскому вопросу особую важность и интерес, но это и взяло его во власть соответствующей его постановки, сводящейся к установлению обнищания, разложения деревни в области познания реальной жизни и к требованию земли в области программных построений»¹². «Правые» эксперты, наоборот, строили свои построения на отрицании земельного голода и обнищания или же объясняли недостаточно цветущее состояние деревни совершенно иными причинами: отсталой агротехникой, давлением общины, «первобытностью» крестьянской жизни.

В советской историографии настоящий всплеск интереса к проблемам пореформенной деревни пришелся на время «оттепели» второй половины 1950–1960-х гг. Именно тогда представители «нового направления» в советской исторической науке (прежде всего А.М.Анфимов) сформулировали новый подход к казалось бы уже решенным еще Лениным вопросам. В соответствии с ортодоксальным взглядом, степень «разложения» крестьянства на капиталистические классы определяла его готовность к поддержке пролетариата в ходе революции. При этом утвердившаяся система оценок не была лишена некоторой двойственности: с одной стороны, всячески подчеркивалось обилие в пореформенной деревне «пережитков крепостничества» (кабальной аренды, отработок, чересполосицы крестьянских и помещичьих земель, малоземелья и низкой товарности крестьянских хозяйств). С другой стороны, такой подход вроде бы грозил «основам»: получалось, что к социальной революции такое отсталое крестьянство не готово. Поэтому второй историографической линией было прослеживание в деревне «буржуазных тенденций» по принципу «чем больше найдем капитализма, тем лучше».

Представители «нового направления» делали выбор в пользу «недоразвитости капитализма» (и неизбежно входили в противостояние со «средней» официальной линией, согласно которой надо было, признав роль пережитков, все-таки прийти к оптимистическому выводу о победе в деревне капитализма)¹³. После сокрушительной критики, обрушившейся на «новое направление».

Анфимов вынужден был признать ошибочность своего подхода, о чем в конце жизни очень сожалел. В числе же наиболее известных сторонников «оптимистического» взгляда были столь авторитетные представители разных поколений советской историографии, как С.М.Дубровский, П.Г.Рындзюнский, В.И.Бовыкин, И.Д.Ковальченко¹⁴. Наряду с традиционными подходами здесь усилиями прежде всего Ковальченко, его соавторов и учеников (Л.В.Милова, Л.И.Бородкина, Н.Б.Селунской и др.) разрабатывались совершенно иные, эконометрические модели и методы. Их применение позволило представителям «школы Ковальченко» сделать целый ряд важных и порой достаточно неожиданных выводов о динамике развития аграрного рынка (точнее, рынков — земли, труда, хлеба) в пореформенной России, об экономическом районировании аграрного производства, о характере социального расслоения в крестьянской среде и др.¹⁵ Работы А.М.Анфимова по характеру использования и интерпретации статистических данных были более традиционными. В.Г.Тюкавкин и Л.В.Милов справедливо, на мой взгляд, отмечали в этом смысле несопоставимость подходов и данных Ковальченко и Анфимова¹⁶. Однако поскольку полемика велась на одном и том же языке марксистской экономической теории, эта несопоставимость в значительной степени скрадывалась.

Сейчас уже не приходится сомневаться, что важной заслугой представителей «нового направления» была разработка концепции «многоукладности» применительно к российской пореформенной экономике. Идея о сосуществовании и сложном взаимодействии в ней традиционного, мелкотоварного и капиталистического укладов фактически содержала в себе важное методологическое «зерно»: признание нелинейного характера социально-экономической эволюции страны, отсутствия у этого развития жесткой заданности, его мультивариантности (что, в сущности, противоречило официальным установкам, так что репрессии, обрушившиеся на «новое направление», были неудивительны). Такой подход оказался очень созвучен идеям, популярным в западных социальных науках, и не случайно в постсоветской историографии некоторые видные аграрники — представители «нового направления» (прежде всего В.П.Данилов¹⁷) оказались столь близки к оформившемуся в западной социологии направлению «крестьяноведения». В свою очередь, труды «школы» Ковальченко немало дали для понимания системного характера пореформенной экономики.

Особо следует сказать об анализе уставных грамот (массового источника, фиксировавшего наделы и повинности временнообязанных крестьян) и выкупных документов, который представляет собой как бы отдельное направление в анализе непосредственных экономических итогов реформы 1861 г. В 1860–1870-х гг. регулярная правительственная статистика крестьянских хозяйств

за редкими исключениями была очень фрагментарна и ненадежна, а земская еще не успела оформиться, так что указанные источники были едва ли не единственными первичными документами, позволявшими делать выводы о положении крестьян в первое пореформенное двадцатилетие. Сохранность фонда уставных грамот и выкупных дел очень неплоха, и неудивительно, что к нему стали активно обращаться историки. У истоков этого дела стояли П.А.Зайончковский и Б.Г.Литвак.

Зайончковский не только сам проанализировал тысячи грамот в своей известной монографии¹⁸, но и активно привлекал к этой теме своих учеников (Д.И.Будаева, В.Г.Зимину, В.И.Крутикова, Л.В.Беловинского и многих других), защитивших большое количество диссертаций и опубликовавших массу работ по реализации реформы в отдельных регионах. Однако вся эта колоссальная работа во многом не достигла своих целей из-за несовершенства исследовательской методики (точнее — множества различных методик), которую использовали историки¹⁹. Более последовательно единой методики придерживался Литвак²⁰. При этом Зайончковского и Литвака роднило отрицательное отношение к статистическим выборкам: считалось, что надежные выводы могут быть получены только на основе сплошного изучения массовых источников. Понятно, что при таком подходе почти все тонкости и нюансы функционирования крестьянских хозяйств просто стирались, оказывались совершенно неуловимыми. Невозможно было также с его помощью провести институциональный анализ положения крестьянства. Иначе говоря, длинные ряды суммарных цифр, даже если забыть об их ненадежности, давали очень мало для понимания того, как именно «работала» экономика крестьянских хозяйств, а также как на нее влияли правовые и административные реалии. На новом уровне развития статистической техники и количественных методов анализом уставных грамот занимается ныне С.Г.Кашенко. Подобно Литваку, он выбрал для анализа один из регионов страны: северо-западные губернии (Петербургскую, Псковскую и Новгородскую)²¹.

В целом, сейчас ясно, что в результате отмены крепостного права в пересчете на душу оброки повсеместно сократились, в пересчете же на десятину — выросли, и порой весьма существенно (за счет сокращения наделов)²². Этот вывод для историографии не нов. Если бы повинности при крепостном праве определялись размерами надела, то эти цифры свидетельствовали бы об их серьезном росте. Однако поскольку далеко не везде земля составляла для крестьян главную ценность, «подушевая» калькуляция тоже не лишена смысла. Но еще важнее, что работы Зайончковского, Литвака и Кашенко позволяют сделать однозначный вывод: на основании агрегированных данных невозможно делать выводы о том, как именно повлияли условия реформы на благосостояние

конкретных крестьянских общин. Говорить же о крестьянах «вообще» можно лишь с очень большими оговорками по поводу условности подобных обобщений.

Пока речь идет о сопоставлении наделов и повинностей в пред- и пореформенное время, мы имеем дело с реальными цифрами. Однако гораздо более спекулятивными становятся рассуждения по поводу того, «достаточно» ли земли получили крестьяне и насколько они за нее «переплатили». «Достаточность» надела — величина абсолютно фиктивная, поскольку основывается на неверных предположениях, что надел является единственным источником благосостояния крестьян, а физические размеры (площадь) — единственной значимой характеристикой этого надела. Что касается размеров «переплаты», то для того, чтобы ее определить, нужно каким-то образом вычислить «рыночную» стоимость земли, что при отсутствии свободного рынка ее купли-продажи в условиях дворянской монополии, которая крайне деформировала действие законов спроса и предложения, сделать невозможно. Кроме того, крестьяне выкупали личную повинность, и привязка выкупа к земле имела скорее символический характер. Все же некоторый, довольно условный смысл имеет сравнение выкупной суммы с ценами на рынке после отмены крепостного права, скажем, к концу 1860-х гг., но и такие подсчеты были бы довольно умозрительны, поскольку. Такие подсчеты были проделаны в свое время А.Лосицким²³ и сведены А.Гершенкроном (см. табл. 1). Существенный их недостаток — валовой характер и крайняя приблизительность. Как показал Ст.Хок, к 1880-м гг. рыночные цены на землю во всем Черноземье, а также во многих степных и нечерноземных местностях существенно превысили капитализацию оброка по «Положениям 19 февраля»²⁴.

Таблица 1.

Выкупные платежи и рыночные цены на землю

Регион	Общий размер наделов, тыс. десятин	Рыночная стоимость земли, млн руб.		Стоимость наделов по выкупу, млн руб.	Соотношение выкупных сумм и рыночных цен в 1863–1872 гг., в %
		1854–1858	1863–1872		
Нечерноземье	12 186	155	180	342	190
Черноземье	9 841	219	284	342	120
Зап. край	10 141	170	184	183	100
Всего	32 168	544	648	867	134

Источник: Gerschenkron A. Agrarian policies and industrialization: Russia, 1861–1917 // Cambridge Economic History of Europe. Cambridge, 1966. Vol. 6. Part 2. P. 738.



В.Маковский.
Крестьянские
дети. 1890

Однозначно оценить состояние *современной* российской историографии экономического развития пред- и пореформенной деревни непросто. Прежде всего, можно констатировать, что с открытием архивов и ощутимой децентрализацией науки внимание исследователей явно сдвинулось в сторону истории послереволюционной эпохи и региональных процессов. На мой взгляд, время «собирать камни» здесь еще не настало, что отчетливо проявляется в небольшом количестве обобщающих работ и новых гипотез²⁵. Дело еще и в том, что аграрная проблематика очень «консервативна»: глубокое проникновение в тему требует долгих лет работы и отнюдь не гарантирует «революционных» открытий.

На протяжении последних 20 лет появилось всего несколько работ, авторы которых квалифицированно рассуждают о долговременных тенденциях и особенностях российской аграрной экономики. Речь идет прежде всего о получивших большой резонанс книгах Л.В.Милова и Б.Н.Миронова²⁶. Милов сконцен-

трировался главным образом на том, что на языке французской школы «Анналов» именуется «временем большой длительности» (la longue durée). Основной его тезис — решающее влияние суровых природно-климатических условий на экономику и институционально-политическое развитие страны, а также на менталитет крестьян. Крепостное право и община были, по мнению историка, главными институтами, «компенсирующими» обусловленную природой бедность России. На мой взгляд, если говорить о влиянии природно-климатических факторов на исторический процесс, то сомневаться в нем, конечно, не приходится. Если же имеется в виду *детерминированность* социально-институционального развития природой по типу отношений «надстройка / базис», то, конечно, на этот счет возникают большие сомнения²⁷. Кроме того, влияние природных факторов, бесспорно, снижается по мере распада традиционного социума и экономической модернизации, когда время существенно «ускоряется», а техногенные и социально-политические факторы приобретают все большую роль. Таким образом, суровый климат способен объяснить далеко не все и не всегда даже по отношению к российской деревне, особенно пореформенной.

Б.Н.Миронов в своей обширной работе доказывает тезис, что либеральная, марксистская, а во многом и западная историография по политическим причинам фактически сфальсифицировали концепцию перманентного «кризиса» сельского хозяйства и вообще экономики дореволюционной России. На самом же деле, считает автор, никакого кризиса не было ни в дореформенной, ни в пореформенной, ни в предреволюционной России, экономика поступательно развивалась, а благосостояние населения в основном росло. Миронов подчеркивает, что все традиционные показатели благосостояния крестьян (размер доходов, налогов и недоимок, структура занятости, обеспеченность землей и скотом и т.д.) ненадежны или допускают «двойную интерпретацию». Скажем, недоимки могут свидетельствовать и о бедности крестьян, и об их нежелании платить, распространение отходничества — о перенаселении и низких доходах крестьян или же о росте их мобильности²⁸. Это справедливо, однако требует, на мой взгляд, не отказа от использования этих показателей, а наоборот, еще более глубокого их изучения. Что же касается «двойной интерпретации», то думается, что сама ее возможность отражает сложную, неоднозначную природу исторической реальности. Автору эта сложность, видимо, мешает. Поэтому он ищет и находит «бесспорный», как ему представляется, показатель — рост («длину тела») новобранцев. Лишь в качестве дополнительного источника привлекаются данные о питании, доходах и расходах населения. Этим сюжетам посвящено лишь около пятой части его книги, чего вряд ли достаточно для аргументированного освещения столь сложных вопросов.

В результате, критикуя, например, точку зрения Ковальченко об увеличении повинностей и обнищании крестьян в первой половине XIX в., Миронов опирается на расчеты самого Ковальченко, даже не пытаясь их верифицировать²⁹. Другой пример. В главе о питании крестьян широко используются в качестве заслуживающего доверия источника «Письма из деревни» А.Н.Энгельгардта³⁰, хотя ранее этот публицист самим Мироновым был подвергнут критике за предвзятость³¹. Между тем не секрет, что «Письма» полны самыми ужасающими картинами обнищания крестьян в пореформенное время, постоянных их голодовок и т.п. Эти части текста Энгельгардта Миронов избегает цитировать, зато те отзывы публициста, которые вписываются в его схему, видимо, кажутся ему вполне достоверными. Признать такое обращение с источниками правильным, конечно, сложно.

Любопытно, что Миронов использует для подкрепления своих идей достижения ревизионистской западной историографии 1970–1980-х гг.³², хотя и сетует на то, что между ревизионистами «нет согласия». В какой мере эти достижения корректируют наши представления о пореформенной аграрной экономике? Для ответа на этот вопрос необходимо вернуться к истокам западного историографического «ревизионизма». Основополагающее значение для послевоенной западной экономической истории России имела концепция Александра Гершенкрона³³. Именно она в основном и подверглась ревизии в 1970–1980-е гг. Гершенкрон относил Россию к числу отсталых стран с «догоняющим» типом индустриализации. В таких странах, отмечал он, отсутствовали или недостаточно сформировались объективные предпосылки для модернизационного рывка и в дело вступали их «заменители». В России главным из них была инициативная роль государства, которое, в частности, «перекачивало» деньги из сельского хозяйства в индустриальный сектор. Ценой такого развития стали застой и кризис в деревне. Он еще более усиливался благодаря отрицательной роли общины, сохраненной и усиленной реформой 1861 г. Таким образом, сельское хозяйство, с одной стороны, питало индустриализацию, а с другой — сдерживало ее (в частности, недостаток рабочих рук, по Гершенкрону, повышал капиталоемкость промышленного производства). Лишь после начала столыпинской реформы положение в сельском хозяйстве начало меняться, однако времени для развертывания позитивных тенденций стране не хватило.

Хотя большинство отдельных положений гершенкрановской концепции были в дальнейшем опровергнуты или по крайней мере поставлены под сомнение (в частности, в работах О.Крисп, А.Кэжана, П.Грегори, П.Гэтрелла и других историков-экономистов³⁴), сама его парадигма оказалась и живучей, и влиятельной. Дело в том, что в его подходе заключалось очень важное рацию-

нальное зерно, а именно признание большой, даже ключевой роли внеэкономических факторов и социально-политических институтов в экономическом развитии России. Его подход в этом смысле во многом перекликается с неoinституциональной теорией экономического развития, столь популярной ныне в мировой науке.

В исследованиях же «ревизионистов» развитие пореформенной экономики представало в гораздо более оптимистичном виде. Пожалуй, наибольшим «оптимистом» можно считать Пола Грегори, по мнению которого накануне Первой мировой войны «Россию отделяло всего лишь несколько десятилетий от превращения в процветающую во всех отношениях экономику»³⁵. Говоря о сельском хозяйстве, Грегори подчеркивает его динамичное развитие в пореформенный период, несмотря на институциональные препятствия, которые, впрочем, были устранены столыпинской реформой. С 1880-х гг. (до этого «заслуживающих доверия оценок экономического роста нет»³⁶) и до 1905 г. основные макроэкономические показатели (объем сельхозпроизводства, потребления крестьянами товаров и хлеба, реальная заработная плата в сельском хозяйстве), по Грегори, показывали уверенно положительную динамику. Рост производства при этом опережал рост населения. Впрочем, Грегори признает, что прогресс в сельском хозяйстве был далеко не повсеместным: аграрный кризис все же существовал, но — в «районах старой культивации». Таким образом, картина крестьянского благоденствия у Грегори все же более нюансирована по сравнению с Мироновым. Однако почему именно, и как развивался кризис в «районах старой культивации» (то есть, надо полагать, на всей территории Европейской России, за исключением степной полосы), остается неясным. Едва ли бурное развитие аграрного производства на окраинах, которое, видимо, и давало общую позитивную картину, могло быть утешением для миллионов крестьян, привязанных вплоть до столыпинской реформы к своим клочкам земли в «оскудевшем Центре».

Работы Грегори — пример «макроистории», в которой реальные социальные процессы во всем своем многообразии растворяются в агрегированных показателях. Нельзя не согласиться с американским исследователем, что «объективные» макроэкономические данные нужны и полезны, но нужно также отдавать себе отчет и в том, что картина, которую они создают, порой оказывается расплывчатой, плоской и усредненно-серой. Да и на макроуровне далеко не все имеющиеся данные подтверждают вывод о триумфальном социально-экономическом прогрессе в пореформенной России. Сравним данные о детской смертности в основных европейских странах (можно с уверенностью утверждать, что основная доля в устрашающих цифрах детской смертности в России приходилась именно на крестьянское население).

Таблица 2.
Среднегодовые величины детской смертности (количество умерших детей в возрасте до одного года на тысячу родившихся)

Территории	За 1867–1871	За 1907–1911
Европейская Россия	267	245
Англия и Уэльс	156	116
Германская империя (1871–1880)	234	174
Франция	193	128
Италия	227	151
Испания	197	157
Швеция	140	76

Источник: *Gatrell P. The tsarist economy, 1850–1917. London, 1986. P. 33.*

Комментарии, к сожалению, излишни — прогресса не наблюдается. А вот более «экономический» показатель, приводимый самим Грегори:

Таблица 3.
Национальный доход на душу населения: Россия и другие страны в 1861 и 1913 гг.

	1861		1913	
	руб.	В других странах в % по отношению к России (Россия = 100%)	руб.	В других странах в % по отношению к России (Россия = 100%)
Россия	71	100	119	100
Великобритания	323	455	580	487
США	450	634	1033	868
Германия	175	246	374	314
Франция	150	211	303	254
Италия	183	258	261	219

Источник: *Gregory P. Russian national income, 1885–1913. Cambridge, 1982. P. 155–157.*

Как видим, разрыв между Россией и развитыми странами на протяжении пореформенного периода не сокращался, а нарастал (только у Италии Россия немного «отыграла» отставание). Ссылка на стремительный рост населения нашей страны (в 2,3 раза) в данном случае не вполне «работает»: население США за этот период выросло почти в 3 раза (в том числе за счет нищих европейцев),

однако рост доходов в этой стране был просто головокружительным. Почти столь же стремительным он был в Германии, население которой тоже очень значительно увеличилось (в 1,8 раза).

Со времени публикации монографий Грегори появились работы других экономических историков, в которых оценки макроэкономических реалий в дореформенной России выглядят более сбалансированно. Конечно, представление о тотальном кризисе в пореформенной деревне, можно сказать, отвергается ныне всеми. Но и о безоблачном прогрессе в сельском хозяйстве говорить не приходится³⁷. Что же ему препятствовало? Очевидно, «простые» ответы на него («самодержавие», «помещики», «община») сегодня уже не кажутся убедительными. Нужны более доказательные и всесторонние подходы (условно говоря: «что именно в политике правительства, действиях помещиков или в устройстве общины и как воздействовало на поведение крестьян?»).

Попытку соединить макроэкономический и институциональный анализ предприняла в недавней обобщающей монографии известный британский историк-аграрник Кэрол Леонард³⁸. Основной сюжет ее книги — влияние реформ и институциональной среды на динамику производительности российского сельского хозяйства. По отношению к дореволюционному периоду Леонард приходит к выводу, что стабильный рост в аграрном секторе, обусловленный структурными сдвигами в агротехнике, состоянии кредитного и земельного рынков, наметился задолго до столыпинских реформ, в середине 1890-х гг. Однако в абсолютных цифрах Россия продолжала очень сильно отставать от западных стран³⁹. Насколько долговременным и структурным был рост 1890–1900-х гг.? Ответа на этот вопрос у нас нет.

Таким образом, историография аграрного развития дореволюционной России находится на перепутье. Прежние оценки и подходы явно нуждаются в корректировке. Однако попытки сделать это «с наскока», просто поменяв «минусы» на «плюсы», также оказываются несостоятельными. Становится все более очевидным, что понять глубинные движущие силы и препятствия на пути экономического развития страны в дореволюционный период (и не только) невозможно без учета качественных факторов, и прежде всего институциональной среды.

¹ Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д.Киселева. М., 1946. Т. 1; 1958. Т. 2; Зайончковский П.А. Проведение в жизнь крестьянской реформы. М., 1958; Рубинштейн Л.Н. Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в.: Историко-экономический очерк. М., 1957.

² Рожков Н.А. Город и деревня в русской истории. СПб., 1902; Лященко П.И. Очерки аграрной революции России. Т. I. Разложение натурального строя и условия образования сельскохозяйственного рынка. СПб., 1908;

Изматович И.И. Помещичьи крестьяне накануне освобождения. СПб., 1910; Огановский Н. Закономерность аграрной эволюции. Ч. II. Очерки по истории земельных отношений в России. Саратов, 1911.

³ Струве П.Б. Крепостное хозяйство: Исследования по экономической истории России в XVIII и XIX веках. М., 1913 (впервые эта работа была опубликована в виде статей еще в 1902–1903 гг.).

⁴ См.: Ковальченко И.Д. Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX века. М., 1967; Федоров В.А. Помещичьи крестьяне Центрально-Промышленного района. М., 1974 (А также: Крутиков В.И. Советская историография кризиса феодально-крепостнической системы хозяйства в России // Материалы XV сессии симпозиума по проблемам аграрной истории. Вологда, 1976; История крестьянства России с древнейших времен до 1917 г. Т. 3. Крестьянство периода позднего феодализма (середина XVII в. – 1861 г.). М., 1993. С. 282–351, 379–403.)

⁵ Robinson G.T. Rural Russia under the Old Regime: A History of the Landlord-Peasant World and a Prologue to the Peasant Revolution of 1917. Los Angeles; N.Y., 1932.

⁶ Sherban A. The Russian national economy and emancipation // Essays in Russian history / Ed. by A. Ferguson. Hamden, 1964; Hoch St.L., Augustine W.A. The Tax Censuses and the Decline of the Serf Population in Imperial Russia // Slavic Review. 1979. Vol. 38. № 3; Domar E.D., Machina M.J. On the profitability of Russian serfdom // Journal of economic history. 1984. № 4. P. 919–955; Готфелл П. Значение Великих реформ в истории экономики России // Великие реформы в России. М., 1992. С. 106–125; Stanziani A. Free Labor-Forced Labor: An Uncertain Boundary? The Circulation of Economic Ideas between Russia and Europe from the 18th to the Mid-19th Century // Kritika. (Winter 2008). Vol. 9. № 1. P. 27–52.

⁷ Подробную аргументацию см.: Hoch St.L., Augustine W.A. The Tax Censuses and the Decline of the Serf Population...

⁸ См. об этом: Татаинов С.В. Финансово-экономические кризисы второй половины XIX в. и Государственный банк Российской империи: дис. ... канд. ист. наук. М., 2012. С. 31–103.

⁹ Козлов С.А. Аграрные традиции и новации в дореформенной России: Центрально-нечерноземные губернии. М., 2002; Рянский Л.М., Рянский Р.Л. Очерки социально-экономической истории крепостной деревни Курской губернии первой половины XIX века. Курск, 2009.

¹⁰ См.: Ковальченко И.Д. Аграрный строй России второй половины XIX – начала XX в. М., 2004.

¹¹ Bohac R. Family, property and socioeconomic mobility: Russian peasants on Manuilovskoe estate, 1810–1861. Unpublished PhD diss. University of Illinois at Champaign-Urbana, 1982; Хох С. Крепостное право и социальный контроль в России: Петровское, село Тамбовской губернии. М., 1993; Dennison T. The Institutional framework of Russian serfdom. Cambridge, 2011.

¹² Макаров Н.П. Крестьянское хозяйство и его эволюция. М., 1920. С. 9. (Цит по: Миронов Б.Н. Благосостояние населения и революции в имперской России: XVIII – начало XX века. М., 2010. С. 47.)

¹³ Анфилов А.М. К вопросу о характере аграрного строя Европейской России в начале XX века // Исторические записки. М., 1959. Т. 65. С. 121. См. также: Особенности аграрного строя России в период империализма. М., 1962.

¹⁴ См.: Савельев П.И. Пути аграрного развития России в дискуссиях российских историков // Россия сельская. XIX – начало XX века. М., 2004. С. 25–53.

¹⁵ См. Ковальченко И.Д., Бородкин Л.И. Аграрная типология губерний Европейской России на рубеже XIX–XX вв. // История СССР. 1979. № 1; Ковальченко И.Д., Селунская Н.Б., Литваков Б.М. Социально-экономический строй помещичьего хозяйства Европейской России в эпоху капитализма: Источники и методы изучения. М., 1982; Ковальченко И.Д., Моисеев Т.Л., Селунская Н.Б. Социально-экономический строй крестьянского хозяйства европейской России в эпоху капитализма (Источники и методы исследования). М., 1988.

¹⁶ Милов Л.В. Иван Дмитриевич Ковальченко (к 80-летию со дня рождения) // Ковальченко И.Д. Аграрный строй России... С. 23–24; Тюкавкин В.Г. Продолжение споров по аграрной истории России начала XX в. // Проблемы источниковедения и историографии: Материалы научных чтений памяти академика И.Д.Ковальченко. М., 2000. С. 108–125.

¹⁷ См.: Данилов В.П. История крестьянства России в XX веке. Избранные труды. М., 2011. Ч. 1–2.

¹⁸ Зайончковский П.А. Проведение в жизнь крестьянской реформы 1861 г. М., 1958.

¹⁹ См. подробный анализ достижений и изъянов этих работ в кн.: Кащенко С.Г. Освобождение крестьян на Северо-Западе России. Экономические последствия реформы 19 февраля 1861 г. СПб., 2009. С. 24–33.

²⁰ См. Литвак Б.Г. Русская деревня в реформе 1861 г. Черноземный центр. 1861–1895. М., 1972.

²¹ Кащенко С.Г. Освобождение крестьян на Северо-Западе России... С. 361–379.

²² Moon D. The abolition of serfdom in Russia. 1762–1907. London, 2001. P. 100.

²³ См. Лосицкий А. Выкупная операция. СПб., 1906.

²⁴ См.: Hoch S. Did Russia's emancipated serfs...

²⁵ Ср.: Роднов М.И. Пространство источника: пореформенное крестьянство в новейшей российской историографии (1997–2007 гг.) // Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы: историография, методы исследования и методология, опыт и перспективы. М., 2008. С. 74–75.

²⁶ См. Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 2001; Миронов Б.Н. Благосостояние населения...

²⁷ См. об этом: Hopcraft R.L. Regions, institutions, and agrarian change in European history. Ann Arbor, 1999. P. 28–31. Здесь же приведена основная западная литература по этому вопросу.

²⁸ Миронов Б.Н. Благосостояние населения... С. 55–56.

²⁹ Там же. С. 304–312.

³⁰ Там же. С. 457–459.

³¹ Там же. С. 31.

³² Simms J.Y., Jr. The Crisis of Russian Agriculture at the End of the Nineteenth Century: A Different View // Slavic Review. 1977. Vol. 36. № 3; Idem. The Crop Failure of 1891: Soil Exhaustion, Technological Backwardness and Russia's Agricultural Crisis // Slavic Review. 1982. Vol. 41. № 2; Wilbur E.M. Peasant Poverty in Theory and Practice: A View from Russia's 'Impoverished Center' at the End of the Nineteenth Century // Kingston-Mann E., Mixer T. (eds.). Peasant Economy, Culture and Politics of European Russia: 1800–1921. Russia, 1800–1921. Princeton, 1991; Wheatcroft St.G. Crisis and Conditions of the Peasantry in Late Imperial Russia // Ibidem; Hoch St.L. On Good Numbers and Bad: Malthus, Population Trends and Peasant Standard of Living in Late Imperial Russia // Slavic Review. 1994. Vol. 53. № 1.

³³ См.: Gerschenkron A. Economic Backwardness in Historical Perspective: A Book of Essays. New York, 1965; idem. Agrarian Policies and Industrialization:

Russia, 1861–1917 // Cambridge Economic History of Europe. Cambridge, 1966. Vol. 6. Part 2.

³⁴ См. подробно: Поткина И.В. Индустриальное развитие дореволюционной России. Концепции, проблемы, дискуссии в американской и английской историографии. М., 1994.

³⁵ Грегорн П. Экономический рост Российской империи (конец XIX – начало XX в.): новые подсчеты и оценки. М., 2003. С. 248. Эта книга фактически представляет собой частично переработанный вариант двух англоязычных монографий историка: Gregory P. Russian National Income: 1885–1913. Cambridge, 1982; *idem*. Before Command: An Economic History of Russia from Emancipation to the First Five-Year Plan. Princeton, 1994.

³⁶ Грегорн П. Указ. соч. С. 19.

³⁷ Gatrell P. The tsarist economy, 1850–1917. London, 1986. P. 140.

³⁸ Leonard C. Agrarian reform in Russia. The road from serfdom.

Cambridge, 2011.

³⁹ *Ibid.* P. 241–243, 254, 258. О книге Леонард в контексте современной западной историографии см.: Христофоров И.А. Российская деревня и аграрные реформы в зеркале микро- и макроистории // Российская история. 2013. № 1. С. 33–47.

А.В. Самохин

Творческие стратегии и тематические предпочтения живописи русского реализма второй половины XIX в.

Среди художественных направлений изобразительного искусства XIX в. реализму выпала трудная судьба. В последующем столетии оценки этого художественного направления расходились вплоть до диаметрально противоположных: признание реализма высочайшим достижением русского искусства чередовалось или соседствовало с уничтожающей критикой реалистической картины как явления внехудожественного, забывшего об эстетической роли произведения искусства ради точного воспроизведения социальной действительности и принесшего форму в жертву содержанию. Собственно говоря, дискуссия не утихла по сей день, что вызывает большие трудности при написании учебной и обобщающей специальной литературы, во время чтения учебных курсов, затрагивающих проблематику изобразительного искусства середины – второй половины XIX века. Хотя изучение отдельных частных тем, связанных с живописью реализма, не теряет, как и прежде, активности, осмысление данного периода в истории русского (да и зарубежного) изобразительного искусства как некой целостности с определенным набором характеристик представляет собой актуальную проблему, провоцирующую на самые разнообразные решения, обычно несвободные от субъективных авторских оценок. Не претендуя на то, чтобы написать своего рода преамбулу к еще не написанному труду о живописи русского реализма, а также не надеясь окончательно избавиться от субъективизма, попытаемся рассмотреть творческие стратегии русской живописи реализма, связать воедино цели и средства создания «образцовой» реалистической картины второй половины XIX в.

Слово «реализм» с момента своего появления обозначало в искусстве не столько формально-стилистические, сколько содержательные особенности или образно-эмоциональную аранжировку произведения. Иногда под реализмом понималось, вдобавок к специфическому содержанию, еще и такое его претворение, какое позволило бы избежать тиражирования художественных штампов, слепого подчинения устоявшейся традиции, в том числе традиции «натуральной школы».

Именно в этом контексте слово «реализм» впервые встречается в русской литературной критике, а именно в статье П.В. Анненкова «Заметки о русской литературе 1848 года», напи-

Содержание

Часть первая

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОТКРЫТИЯ

Н.Г.Артемьева

Исследование первого буддийского храма XII–XIII вв. на территории Приморья 7

Часть вторая

ГИПОТЕЗЫ. ПРОБЛЕМЫ. РЕШЕНИЯ

Н.А.Соболева

Концепция «Москва — Третий Рим» в XVII в. и ее роль в оформлении новых общественно-культурных приоритетов 21

А.Е.Иванов

Главный педагогический институт. 1828–1859 гг.: из истории подготовки российской профессуры 32

И.А.Христофоров

Экономическое развитие российской деревни в XIX в.: пора ли подводить историографические итоги? 47

А.В.Самохин

Творческие стратегии и тематические предпочтения живописи русского реализма второй половины XIX в. 65

Часть третья

ВСТРЕЧА И ДИАЛОГ КУЛЬТУР

Д.В.Трубочкин

Хор в современных постановках античной драмы 79

В.И.Харитонова

Диалог культур на языке шаманизма 93

Страда Виторио (Италия)

Закат Европы и закат России.

Освальд Шпенглер и Николай Трубецкой 113

В.Б.Перхавко

Символический образ музы Клио 126

Ш.Н.Амиров

Феномен Дагестана. Парадигмы и некоторые следствия 141

И.Е.Адельгейм

«Куда мне бежать теперь?», или «Бело-красная депрессия»: молодая польская и русская проза 2000-х гг. 159

Содержание

Часть четвертая

ЧЕЛОВЕК. ОБЩЕСТВО. ВЛАСТЬ

И.В.Курукин

Фаворит в России XVIII в.: человек и механизм 181

Премислав Домбровский (Польша)

Александр I о польском вопросе в воспоминаниях князя Михаила Клеофаса Огинского 196

Дариуш Шпонер (Польша)

Политические инициативы шляхты Подольской и Минской губерний накануне Польского восстания 1863 года. 211

Т.П.Сотникова

Крестьянский протест начала XX в. 222

А.В.Новичков

Русско-японская война 1904–1905 гг. Окопная повседневность 235

Н.Д.Постников

Гумбинненское сражение: взгляд с поля боя 250

В.Ж.Цветков

Генерал М.В.Алексеев в дни «корниловщины». Август–сентябрь 1917 г. 265

С.С.Лыскошина

Бронислав Коморовский — президент Польши 280

Часть пятая

ВЫДАЮЩИЕСЯ ДЕЯТЕЛИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Т.В.Юденкова

Роль А.П.Боголюбова в коллекционировании младшего Третьякова 297

Г.А.Моисеев

Августейшее музицирование и покровительство музыке в России (вторая половина XIX века) 311

О.В.Тулинова

И.А.Бунин и художники (к 80-летию со дня присуждения И.А.Бунину Нобелевской премии) 331

Н.Савкина

Танатос у С.С.Прокофьева 349

Б.Д.Панкин

Портрет художника на фоне его страны 365

В.Г.Чичерокин-Мейнгардт

Портреты заговорили 386

В.Ю.Захаров

Н.В.Минаева и ее вклад в развитие отечественной историографии 395

- Моисеев Григорий Анатольевич* — кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник Московской государственной консерватории им. П.И.Чайковского
- Новичков Андрей Вячеславович* — доктор исторических наук, Королёвский институт управления, экономики и социологии (г. Королев Московской области)
- Панкин Борис Дмитриевич* — журналист, публицист, литературный критик, дипломат
- Перхавко Валерий Борисович* — кандидат исторических наук, заместитель начальника отдела Отделения историко-филологических наук РАН
- Постников Николай Дмитриевич* — кандидат исторических наук, доцент Российского государственного университета туризма и сервиса
- Романов Сергей Сергеевич* — кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы Курского государственного университета
- Савкина Наталья Павловна* — кандидат искусствоведения, доцент кафедры истории русской музыки Московской консерватории
- Самохин Александр Вячеславович* — кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник НИИ теории и истории изобразительных искусств Российской академии художеств
- Скорый Сергей Анатольевич* — доктор исторических наук, профессор
- Соболева Надежда Александровна* — доктор исторических наук
- Сотникова Татьяна Павловна* — кандидат исторических наук, старший преподаватель Российского государственного университета туризма и сервиса
- Страда Витторио* (Италия) — литературовед и переводчик-славист, историк русской литературы, научной и общественной мысли
- Сычев Вадим Львович* — кандидат исторических наук, главный научный сотрудник Государственного музея искусств народов Востока
- Телицын Вадим Леонидович* — доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН

- Трубочкин Дмитрий Владимирович* — доктор искусствоведения, заведующий сектором античного и средневекового искусства ГИИ, заведующий кафедрой искусствознания и гуманитарных наук Театральной школы Константина Райкина, профессор кафедры истории зарубежного театра ГИТИСа
- Тулинова Ольга Вадимовна* — кандидат педагогических наук, доцент музыкально-педагогического факультета Елецкого государственного университета им.И.А.Бунина
- Харитоновна Валентина Ивановна* — доктор исторических наук, кандидат филологических наук, главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии им. Н.Н.Миклухо-Маклая РАН, руководитель группы медицинской антропологии, главный редактор международного научного журнала «Медицинская антропология и биоэтика»
- Христофоров Игорь Анатольевич* — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, главный редактор журнала «Российская история»
- Цветков Василий Жанович* — доктор исторических наук, профессор кафедры новейшей отечественной истории Московского педагогического государственного университета
- Черкасов Валерий Анатольевич* — доктор филологических наук, доцент кафедры педагогики и методики начального образования Белгородского государственного университета
- Чичерюкин-Мейнгардт Владимир Григорьевич* — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории России новейшего времени факультета архивного дела Историко-архивного института РГГУ
- Шпопер Дариуш* — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и философии закона и государства, факультета права и администрации Университета Вармии и Мазур в Ольштыне
- Юденкова Татьяна Витальевна* — кандидат искусствоведения, научный сотрудник НИИ РАХ, ученый секретарь ГТГ